

РУССКИЙ ВЗГЛЯД

ЕВГЕНИЙ СТЕБЛОВ –
НАРОДНЫЙ АРТИСТ РФ,
АКТЁР ТЕАТРА ИМ. МОССОВЕТА,
СЫГРАВШИЙ ОДНУ ИЗ ГЛАВНЫХ
РОЛЕЙ В СПЕКТАКЛЕ «НЕ ВСЁ
КОТУ МАСЛЕНИЦА».
ФОТО СТАНИСЛАВА МОШКОВА

Евгений Стеблов: «Я к зрителям так отношусь – делю их на тех, кто откликается, и тех, кто нет»

Народный артист Российской Федерации, актёр театра им. Моссовета, сыгравший одну из главных ролей в спектакле «Не всё коту масленица», Евгений Стеблов дал интервью «Русскому веку».

Евгений Юрьевич, вы уже не первый раз играете в пьесах Островского, а этот спектакль поставлен не совсем классически. Вы не боитесь новаторских решений?

– Нет. Во-первых, спектакль прежде всего должен быть живым. Я не

люблю новаторство формальное, которое как раз всегда мёртвое. Так как этот спектакль очень живой (мы даже получили за него премию Москвы), я считаю его очень удачным. Более того, режиссёр Виктор Шамиров во время работы очень бережно отнёсся к пьесе. Если бы я почувствовал, что новаторство

с минусом, я бы просто не стал работать.

– Ваш герой Ермил Зотыч – самодур. Насколько сложно играть отрицательного персонажа?

– Особенно отрицательных я вообще не люблю играть. Но я не считаю его

совсем уж отрицательным. Конечно, он очень сложный человек – купец, привыкший к единовластию в своём деле. Однако, на мой взгляд, он влюбился совершенно искренне. Я это трактую не так, что пожилой человек сватается к молоденькой ради каких-то своих старческих прихотей, а так, что он её по-своему любит.

Недавно мне рассказали, что мой прапрадед по линии Стебловых родом из Томска очень широко гулял. Он был крепостным, потом выкупился и выдвинулся. По-моему, он женился на сестре главного инженера демидовских заводов, разбогател, стал судовладельцем. Купеческий размах был ему не чужд. Так что у меня есть пример из жизни.

По-моему, положительную роль сделать так, чтобы она попала людям в сердце, гораздо сложнее. У антигероя всегда в избытке внешние отрицательные приметы, которые можно обыграть.

Я люблю всех своих героев. Для меня основной пафос моей работы, чем бы я ни занимался, – это целительство. Я пытаюсь создать такое духовное и душевное пространство, в котором кому-то кроме меня хорошо. Если это помогает исцелить чью-то душу, я тогда благодарен этим душам, когда они откликаются. Я и к зрителям так отношусь – делю их на тех, кто откликается, и тех, кто нет.

– Вы уже пятьдесят лет служите в театре Моссовета. Изменился ли он за это время? И как изменился зритель?

– Да, конечно, ведь театр – это живые люди. Полвека назад я

пришёл в театр Завадского. Сейчас это другой театр. Но он в этом смысле уникальный – без революций эволюционно трансформируется. Нужно отдать должное закуске, которую изначально замесили Юрий Александрович Завадский и директор театра Иван Фёдорович Лосев. Теперешний наш директор Валентина Тихоновна Панфилова поддерживает эту линию.

Что же касается зрителей... Особенно это было заметно в переходный период, когда советская власть закончилась и пошла другая публика. Я их называл «революционными матросами». Это были люди, которым, с одной стороны, очень хотелось прийти в театр, у них была какая-то жажда искусства. Но, с другой стороны, они не были достаточно подготовлены, были невеже-

ственны в этом вопросе. Но это дело наживное, постепенно сформировалась публика нового времени, и она вполне достойна. Во всяком случае, у меня никогда никакого конфликта с публикой не было.

– Вы играли в разных радиоспектаклях, озвучивали мультфильмы. Сложно передать суть героя голосом?

– Для меня никакой сложности нет. Есть определённые технологические особенности, я ими овладел достаточно быстро. Когда начинал свою работу на радио, был, по-моему, главным редактором детской редакции Всесоюзного радио Литвинов, который режиссировал одну из моих постановок. Он мне показал на практике некоторые особенности работы с микрофоном. В театре

тоже существуют свои особые технологические приёмы. Когда я в 66-м году окончил институт, у меня уже были три главные роли в кино. А в театре я был ещё неопытным, но мне сразу пришлось играть главные роли. И, конечно, мне первое время было очень тяжело, я не был ещё достаточно технически оснащён. В профессии театрального актёра очень большую роль играет умение распределиться, так же как в спорте: можно рвануть на старте и не дотянуть до финала. Неумение распределиться может привести к срыву – а это тонкое дело и очень субъективное. И я в 23 года уже заработал нервное истощение именно потому, что рвал себя со страстью, не имея ещё достаточного технического актёрского оснащения. Теперь я, конечно, опытный актёр и с удовольствием делюсь этим со своими учениками.

– Вы сыграли в трёх фильмах Никиты Михалкова. Как вам с ним работало?

– Мы с ним друзья, знаем друг друга много-много лет. Ещё старшекласниками играли в юношеской студии при театре Станиславского. Инна Чурикова и Виктор Павлов тоже тогда были студийцами. Затем мы снялись в нашей первой совместной картине «Я шагаю по Москве», после выхода на экран которой к нам пришла слава. Следующий фильм, где мы играли вместе, – «Перекличка».

Никита первый свой фильм снял по моему рассказу, который назывался «Я уезжаю домой». Для него это была курсовая работа, а для его оператора, сейчас уже мастито-

го, Игоря Клебанова – дипломная. Никита сам написал киносценарий, в фильме сыграли Сергей Никоненко и Татьяна Конюхова. Картина получилась большая, почти полнометражная – 50 минут. Я знал, что артист он замечательный, а какой он режиссёр – не знал. Только после показа смонтированного фильма я понял, что мой друг Никита ещё и талантливый режиссёр. К сожалению, этот фильм утерян.

Основа нашей дружбы в первую очередь творческая, поэтому у нас совершенно лёгкое взаимопонимание. Более того, я вам расскажу очень интересную вещь. Я всего до конца не знаю, но это что-то очень значимое. Мой прадед Павел Павлович Стеблов был действительным статским советником и руководителем городской думы в Рыбинске, а двоюродный дед Никиты – Сергей Владимирович Михалков – был там предводителем дворянства. Они друга друга знали. Это из области фантастики, но в краеведческом музее была фотография посещения великим князем Ярославской губернии, на которой они стоят рядом в мундирах. Тут просто мистика какая-то.

– Кроме артистической у вас есть другие творческие ипостаси?

– Да. Во-первых, я с удовольствием преподаю, уже несколько курсов выпустил в ГИТИСе. В институте театрального искусства из новых я один курс выпустил, сейчас другой набираю.

Во-вторых, я поставил несколько спектаклей. Дебютировал постановкой по пьесе Леонида Генриховича Зорина, классика нашей отечествен-

ной драматургии, «Карнавал». По его настоянию я сыграл там главного героя, чего мне не очень хотелось, но я не смог ему отказать. Честно говоря, это вообще «репортаж с петлёй на шее». Одновременно играть и ставить в театре довольно тяжело. Когда ты с партнёром работаешь, ты ему не додаёшь, потому что смотришь на него режиссёрским глазом.

В-третьих, я написал две книги: «Возвращение к ненаписанному» и «Против кого дружите?».

Склонность писать у меня была всегда. Ещё будучи школьником, я иногда писал такие смешные сочинения, что учителя их друг другу зачитывали. Когда я стал работать как актёр, я встречался с уникальными людьми, например с Фаиной Георгиевной Раневской. И у меня была потребность что-то записать, чтобы оставить в памяти. Из этих записей и родилась книга «Против кого дружите?».

Вообще в жизни происходят удивительные истории. Мы с моей ныне покойной женой после её операции на сердце отдыхали в подмосковном санатории, директором которого оказался мой одноклассник. Он меня попросил провести творческий вечер. Мой сын привёз мне бобины с плёнками фильма «Перекличка»: он показывает героев танкового экипажа, который прорвался в тыл к немцам во время войны, принёс противнику достаточно ущерба и погиб. Я в клубе этого санатория выступил и показал фильм. На следующий день ко мне подошёл один инвалид из числа отдыхающих и сказал, что это фильм про них. Я сначала подумал, что он говорит вообще о воевавших. Но когда

он мне стал говорить, что тогда он сошёл на мосту, а остальные дальше поехали и погибли, у меня мороз по коже прошёл. Я тогда понял, что это действительно герои той истории, он действительно сошёл и остался жив, хоть и был ранен, ногу потерял. Вообще это удивительное перетекание жизни на экран, а потом обратное перетекание с экрана в жизнь. Это же этому человеку ответ пришёл через меня, через этот фильм. Это же совершенно уникальная ситуация, об этом хочется написать.

– Ваш сын покинул мирскую жизнь?

– Да, он уже десятый год в Соловецком монастыре, прошёл целый путь: монахом сразу не становятся. Раз в год я навещаю его. К тому же я сотрудничал с монастырём. Они делали в разных регионах России культурно-религиозно-просветительские вечера, большие, трёхчасовые с антрактом. В них принимали участие симфониче-

ский оркестр Архангельской филармонии, солисты Мариинской оперы, братский хор Соловецкого монастыря, детский хор того региона, где проходит мероприятие. А наместник монастыря (первое лицо), благочинный (второе лицо) и я читаем тексты. Получалось очень впечатляющее зрелище. Особенно мне запомнился такой вечер в 2014 году в Крыму, когда он вернулся в Россию. Я такого всеобщего народного энтузиазма не помню со времени полёта Юрия Гагарина.

– Скажите, пожалуйста, вы внутренне приняли уход сына в монастырь?

– У меня никакого внутреннего конфликта и не было. Я сам верующий человек, православный. Просто он мой единственный сын и поэтому остановил мой род. Это, конечно, некоторое смущение у меня вызвало, но не более того. Для меня важнее сохранять с ним духовную связь, сыновьи и отцовские отношения, чем оппонировать его выбору.

– Вы в своих интервью рассказывали, что с первой женой у вас были настоящие итальянские страсти. А с сегодняшней?

– Я с первой женой прожил 38 лет, у нас сын. К тому же в 26 лет любовь совершенно другая, нежели в 62 года, когда мы с теперешней женой сошлись. Это просто другая любовь. Конечно, в чём-то страсти проявляются, но до битья посуды не доходим. Раньше, в то время, конечно, мы были молодыми, прошли все стадии молодых пар. Но никогда в моей жизни не сталкивался с какой-то неискренностью в личных отношениях, я этого не принимаю. И вообще всегда в личных отношениях уделял и уделяю большое внимание вере. Я – верующий человек, моя жена – верующая, и покойная жена тоже была верующей.

Ирина Калабина

На фото фрагменты спектакля «Не всё коту масленица»
Фото Елены Лапиной
«Русский век»